

СМЕРТЬ И ТЕНЬ

МАРА И МОРОК

МАРА И МОРОК.
ОСОБЕННАЯ ТЕНЬ

МАРА И МОРОК.
500 ЛЕТ НАЗАД

*Эта книга посвящается всем тем,
кто не захотел отпускать
Мару и Морока.*

От автора

Дорогой читатель! Данная книга является третьей в цикле «Смерть и Тень», но она же и отличается от основной дилогии, состоящей из книг «Мара и Морок» и «Мара и Морок. Особенная Тень».

Желающие могут без волнений закончить знакомство с циклом на второй книге, так как первоначальная дилогия является завершённой историей. Третья часть — дополнительная книга для всех, кто хочет больше узнать о мире.

Здесь новые герои, новые проблемы и другая история. Несмотря на то что события в этой книге происходят раньше, чем в дилогии, читать третью часть нужно последней. Только в таком случае будут ясны детали диалогов и рассказанной истории. В противном случае они останутся непонятными. Приятного чтения!

Пролог

Я много путешествовал, собирая любые истории, легенды, слухи, даже откровенные рассказы о Марах и Мороках. И однажды мне попалась удивительная находка.

И чем дальше я копался в этой истории, тем больше поразительных совпадений находил. Я до сих пор не могу быть точно уверен в правильности своих выводов, потому что детали были намеренно стёрты, а история этой Мары на первый взгляд одна из самых непримечательных и даже странных.

Эта девочка жила приблизительно за три сотни лет до исчезновения всех Мар. Тогда не существовало Серата и Аракена. Территория этих королевств в тот период была разделена между пятью княжествами: двумя на севере и тремя на юге. Изначально все князья воевали и соперничали между собой, но со временем за счёт некоторых культурных различий, верований и повседневных привычек, под воздействием климатических условий произошло разделение на северную и южную стороны.

Так южные княжества Яратское (главный город Ярат), Соленское (главный город Соленск) и Аракенское (главный город Аракен) начали поддерживать друг друга и сотрудничать, стоя против северных княжеств.

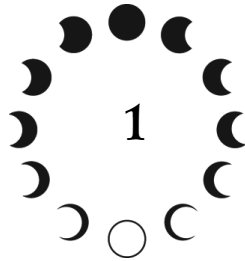
На севере были Ашорское княжество (главный город Ашор) и Сератское (главный город Серат).

История той Мары произошла в непростое время, когда все княжества оказались на пороге изменений, а большинство сказок были реальны и встречались смертным едва ли не каждый день. Сейчас хоть Мары и исчезли, но трудностей с нечистью у людей в разы меньше, чем было раньше. Ныне города у нас многолюднее, каменные стены крепче, а факелы горят даже по ночам, отпугивая оставшуюся нечисть и не давая ей прятаться в сумраке улиц.

В старые же времена люди обвешивали дома оберегами, не забывали захватить полынь против русалок, если шли к водоёму, и верили, что призраки могут захватить живого человека, если не защитит голову украшенной лентой.

Узнавая трудности судьбы этой Мары, я в очередной раз убедился, что у любых правил есть исключения. А если втянуты боги, то эти исключения чаще случайные, чем намеренные. И что бы кто ни говорил, я уверен, что её история вышла особенной и по-своему увлекательной, потому что семья этой Мары на моей памяти единственная, которая не смогла исполнить первое правило — покинуть место жительства и переехать, дабы юной служительнице богини не взбрело в голову сбежать домой. И вся загвоздка была в том, кем девочка являлась на самом деле.

Малахий Зотов.
Забывтое о Марах и Мороках

— **В**от же дрянь!
Я не хотела этого говорить, но фраза вылетает сама собой, когда я падаю лицом прямо на трухлявые сучья и влажный мох. Мне повезло. Буквально пару сантиметров вправо — и я разбила бы голову о камень. Руками упираюсь в землю, и к ладоням моментально прилипают грязь и старые листья.

— Не ругайся, — насмешливо говорит Ясна.

Едва успеваю откатиться в сторону, когда упырь в попытке впиться мне в шею сам с размаху врежется головой в булыжник. Морщусь, слыша треск костей, однако тварь не реагирует на боль. Нос, челюсть и несколько зубов сломаны, изо рта мертвеца капает вязкая, гнилая кровь. Я вскакиваю на ноги буквально на пару секунд раньше, чем это делает упырь, чтобы вновь броситься на меня.

Шарю взглядом по мху в поисках обронённого оружия. Уклоняюсь и уворачиваюсь, лишь бы не попасть под острые зубы и обломанные, но длинные ногти, что нежить с радостью вонзит мне в кожу и мышцы, если успеет схватить.

Ясна не помогает. Только лениво вгоняет короткий кинжал в шею одному из трёх мертвецов, который всё-таки заметил, что здесь не одна Мара, а две. Сестра

распарывает тонкую кожу шеи, после за одно движение разрезает нити жизни, и тварь падает у её ног. Ясна брезгливо встряхивает рукой с кинжалом, дабы избавиться от крови, но одежда уже испачкана.

— Не желаешь помочь? — иронично спрашиваю я и со всей силы пинаю ближайшего упыря по голени. Тот теряет равновесие и падает.

Не успеваю размозжить его голову ботинком, как второй бросается на меня, и я отскакиваю в сторону, намеренно огибая кривую сосну. Ясна смеётся, наблюдая за этой незатейливой игрой в догонялки. Она на восемь с небольшим лет старше меня, хотя внешне не меняется с восемнадцати.

— Тебе и без меня весело. Осталось всего лишь двое, — беззастенчиво отвечает она.

Взглядом натыкаюсь на блеск стали среди сосновых шишек. Мой красный плащ цепляется за ветки кустарника, но я продираюсь вперёд, на ходу пригибаюсь, подхватывая топорик за дубовую рукоять. Разворачиваюсь и круговым движением опускаю оружие на голову преследующей меня твари — размахиваюсь с максимальной амплитудой и вгоняю лезвие ровно в центр лба. Водянистые глаза упыря закатываются, он ещё несколько раз открывает и закрывает порванный рот и только после этого оседает на землю.

— Нити, — громко напоминает Ясна, а я бросаю на неё выразительный взгляд, потому что и так тянусь за ними.

В этом году я закончила официальное девятилетнее обучение. Уж за такой срок невозможно не запомнить главное правило. *Пока целы нити жизни, мертвец может подняться.*

У этого упыря одна из трёх нитей всё ещё сверкает живым золотистым светом, но лишь до момента, пока я не перережу её ножом. Та меркнет и исчезает, а мертвец грудой полусгнившей плоти остаётся

лежать под ногами. Второй, которого я сбила ранее с ног, пошатываясь, поднимается. Теперь у него сломана не только челюсть, но и часть черепа. Вновь упал на камень. Однако это не мешает ему снова напасть. Я размашистым движением топорика отрубая ему кисть, которой он тянется к моему лицу, и втыкаю нож в глазницу. Невольно вдыхаю запах полуразложившейся плоти, и меня начинает мутить. Я ведь только недавно поела, совсем не рассчитывая на встречу с мертвецами.

— Молодец! — с довольной улыбкой хвалит меня Ясна, а я отвечаю ей хмурым взглядом.

— Спасибо за помощь, сестра.

— Не будь такой, я ведь действительно помогла, — надувает губы Ясна и демонстрирует мне грязный рукав.

Вместо ответа я проверяю оставшихся мертвецов и перерезаю их нити жизни. В другой раз мы свалили бы их в кучу, сожгли или хотя бы закопали, чтобы деревенские дети не наткнулись на трупы. Но сейчас у меня нет ни времени, ни желания с этим разбираться.

Ясна словно с приклеенной улыбкой наблюдает, как я принимаю решение, ища, в какую сторону идти. Нам и так прекрасно известно, где находятся ближайшие озёра, но мне нужно особенное. Чувствуя тонкий, сладковатый аромат цветущей липы, я моментально устремляюсь туда. Сестра не задаёт вопросов и следует за мной.

Пять минут я целенаправленно шагаю по пружинящему мху, двигаясь к границе леса. А как только замечаю длинноволосых девиц под цветущим деревом на берегу озера, срываюсь на бег. Они не сразу замечают моё приближение и пускаются врассыпную, только когда я хватаю одну из них за волосы и бесцеремонно стаскиваю с ветки дерева. Русалка визжит, её сестры подхватывают и поднимают вопли, хотя их я не трогаю. Мерзавка не стесняется царапать мне руку, пока

я стискиваю в кулаке её русые волосы. Она как дикий зверь верещит и брыкается. Я охаю, неожиданно получив болезненный удар в живот, и разжимаю пальцы. Нечисть пользуется свободой и пытается удрать, но чёрта с два ей удастся меня одурачить. Я дёргаюсь вперёд и хватаю её нити жизни, русалка моментально замирает, боясь даже шелохнуться, знает, что теперь лучше смиренно стоять на месте.

Её сестры, забравшись в воду, держатся на безопасном расстоянии, шипят на меня, хотят помочь своей мёртвой подружке, но Ясна встаёт рядом со мной, обнажая короткий прямой меч.

— Притихли! — командным голосом приказывает она. Нечисть моментально прикусывает языки, прекращая скалиться, и теперь уже внимательнее осматривает наши красные одежды.

Я удовлетворённо киваю, когда на прекрасных девичьих лицах появляется всё больше неуверенности и страха. Теперь они робко жмутся друг к другу, отодвигаясь от нас подальше. Некоторые и вовсе по пояс залезают в воду, готовые в любой момент скрыться.

— Ну ты и дрянь! — вновь говорю я, встряхивая русалку за нити жизни.

Она начинает канючить и рыдать, обильно роняя драгоценные слёзы на белое кружевное платье, почти такое же, как и на остальных мёртвых девушках. На вид ей лет семнадцать, большие голубые глаза, шелковистые русые волосы и жалобно трясущаяся нижняя губа. Босыми ногами она нервно приминает траву, дожидаясь возможности улизнуть. Вся эта напускная невинность меня не обманет. Стоит только отвлечься, как она опять начнёт верещать и вцепится мне в лицо ногтями.

— Я вытащила из твоих волос полынь, пока ты выла и каталась по мху! А в ответ как ты мне отплатила?! — Меня окутывает злость, рука трясётся, и я едва сдерживаюсь, чтобы не оборвать жизнь девицы до конца.

Как и у остальных русалок, из трёх нитей жизни две продолжают сверкать, но обитательницы вод всё равно нечисть. Были убиты или сами утопились в этом озере. Несмотря на их близость к потустороннему миру, целенаправленно русалок мы не убиваем. Они считаются в меру разумными и скорее зло шутят над смертными, чем специально вредят. Хотя мы строго запрещаем убивать людей, и если русалка замечена за подобным или же сходит с ума, становясь жестокой, а деревенские попросят нас от неё избавиться, то так мы и поступим.

И что дёрнуло меня помочь этой девице?

Пусть бы и дальше плакала, неспособная прикоснуться к траве, что жгла ей кожу головы. Может, и поделом было. Небось приставала к какому-то человеку, а у того был пучок полыни, как оберег от подобных ей.

— Отпусти её, Мара, — неуверенно подаётся вперёд одна из других русалок. Вероятно, старшая среди своих сестёр. — Она ничего не сделала тебе. Людей она не топила. Сейчас наше время, на Русальной неделе даже в деревни позволено ходить!

— Верни то, что украла, — чеканю я своей русалке, игнорируя слова её сестры.

Та подчиняется, поднимает трясущуюся руку и медленно разжимает пальцы, демонстрируя мою подвеску. В центре серебряная лунница¹, заключённая в круг, а по краям нанизанные на кожаный шнурок жемчужные бусины. Другие девицы ахают и возбуждённо перешёптываются.

— С ума сошла?! — рывкает старшая на русалку, которую я продолжаю удерживать. — Совсем мозги водой наполнились? Кто же крадёт у прислужниц Мораны?!

¹Украшения в форме лунного полумесяца. Символ женского начала и плодородия. (Здесь и далее прим. авт.)

Не отпуская пленницу, я выхватываю у неё своё ожерелье. Та плачет пуще прежнего, лепеча оправдания:

— Блестело оно, я не... я не знала, оно просто красивое...

Ясна рядом устало вздыхает, слушая рыдания. Мы обе знаем, что русалке не стыдно, она не сожалеет. Просто трясётся за свою шкуру, и не более. Понимает, что на жалость давить надо, но мы не раз встречали подобные трюки.

— Дура! Никогда не кради у той, что даже летом продолжает пахнуть зимой! — отчитывает её старшая, а потом переводит взгляд на меня. — Прости её, Мара. Дурёха она совсем. Взгляни на волосы! В них нет и намёка на зелень. Совсем недавно она утопилась.

Я нехотя перевожу взгляд на русые пряди. Она права. Чем дольше русалка мертва, тем зеленее её космы. Эта же словно живой человек. Даже щёки румяные, а кожа лишь немного бледнее, чем у обычной девушки. Всё это никак не смягчает моего настроения, но я всё же с самого начала не планировала её убивать. Если мне удалось её запугать, то этого пока хватит.

— Чтобы больше такого не повторилось, — сухо предупреждаю я и отпускаю нити.

Русалка за секунды прытко устремляется к воде и поднимает тучу брызг, ныряя в спасительное убежище. Остальные следуют за ней, страшась, что мы можем передумать. Лишь старшая окидывает нас с Ясной долгим взглядом и медленнее своих сестёр исчезает под водой.

Мои плечи поникают, я чувствую усталость, скопившуюся за сегодняшний день. До заката осталась ещё пара часов. Мы всего-то вышли поискать ягоды и травы. Ни я, ни Ясна не рассчитывали встретить русалку. Мы ей помогли, а та в ответ меня обокрала и привела к нам упырей, заматавая следы. Сестра подходит к озеру и моет в воде руки, полощет рукав, пытаясь избавиться

от кровавых пятен. Русалкам это точно не по нраву, но те даже голов больше не высовывают. Я вновь поворачиваюсь к цветущей липе, на чьих ветвях так любит сидеть озёрная нечисть.

— Это ведь его? Поэтому ты так разозлилась? — тихо интересуется сестра, когда молчание затягивается.

Она не смотрит на меня, а вопрос задаёт как бы невзначай. Однако я уверена, что она знает ответ и как много это ожерелье значит для меня.

— Да. Это он сделал. Его последний подарок, — ровным голосом отвечаю я, стараясь не думать о прошлом.

— Серебро местами потемнело. — Ясна подходит ближе и критично осматривает украшение. — Да и кожаный шнурок бы заменить, раз русалка так легко сорвала с твоей шеи. Давай я отдам его Мире, ты знаешь, что она аккуратна с украшениями.

Я шумно выдыхаю, когда сестра медленно вытягивает ожерелье из моей руки и прячет во внутреннем кармане красного плаща.

— Не говори...

— Я не стану говорить, что это от твоего брата, — с полуслова понимает она. — Хотя глупо хранить подобное в секрете и думать, что они не догадаются.

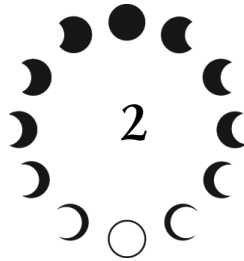
— Не хочу, чтобы они решили, будто я опять не могу с этим справиться.

В голубых глазах Ясны немая поддержка, она ласково улыбается, вытаскивая несколько сучков из моей растрепавшейся косы. Я с недовольством осматриваю свою испачканную одежду. На нас с сестрой похожие наряды, которые в первое мгновение можно принять за туго подпоясанные платья. Раньше это они и были, но недостаточно быстрая реакция или слишком медленный бег могут стоить нам жизни, поэтому под низ мы надеваем штаны, а платья разрезаны по бокам от самых бёдер, чтобы не стеснять движения. Иногда мы

носим мужские наряды — косоворотки и штаны, — но они в разы больше смущают деревенских, поэтому нам пришлось придумать ещё один вариант. Сейчас разрезы скрыты благодаря плащам, и наряды похожи на привычные сарафаны. Но русалки были правы — началось лето, а вместе с ним и Русальная неделя. Близится летнее солнцестояние. В холодный период мы носим утеплённые накидки и кафтаны, а в скором времени и в самых лёгких плащах станет жарко.

— Пойдём домой, Вела, — предлагает Ясна. — Ягоды бессмысленно искать, рано ещё.

Я рассеянно киваю, а сестра по привычке берёт меня за руку и настойчиво тянет в направлении нашего храма, на восток. Ещё несколько раз я оборачиваюсь на пруд. Водная гладь остаётся спокойной, доказывая, что нечисть не станет даже высовываться, пока мы не уйдём подальше.

13 лет назад

Я падаю с нижней ветки нашего дуба. Высота достаточная, чтобы при неудаче я разбила голову, но в итоге лишь на ладонях остаются ссадины от коры. Я сильно пачкаю кафтан, падая на влажную землю. Ночью была любимая нами с братом весенняя гроза.

Плачу, скорее от испуга, чем от боли. Слёзы застилают глаза, я перестаю что-либо видеть и продолжаю рыдать. Нос закладывает, и я хватаю ртом воздух, пытаюсь дышать между всхлипами. Кто-то зовёт меня по имени, голосов становится больше.

— Да это лишь ссадины, Вела! Не плачь! — старший брат нервно озирается, замечая приближающихся взрослых. Ему явно достанется за то, что опять поддержал моё лазанье по деревьям. — Ш-ш-ш! Всё хорошо, давай отряхну.

Он дёргает меня вверх, заставляя подняться на ноги. Я клещаю зубами от неожиданности и на несколько секунд забываю о плаче, но потом всё продолжается.

— Прекрати реветь, Вела! — умоляюще тянет Валад, несколькими движениями отряхивая мою одежду.